

О л г а А н н и к и н а

Д О М

У них в доме всегда было много вина. Не просто выпивки — а настоящего, сухого, красного.

Ну, хорошо, не в доме, нет. В обычной старой трехкомнатной квартире недалеко от Фонтанки, с отдельным входом со двора. Но Анна называла эту квартиру домом. Соседей Игорь и Анна не замечали, утопая в собственном пространстве, и эта отдельность, немислимая где-нибудь в монолитной панельной многоэтажке, была самой важной тайной тех нескольких лет их жизни, которые они провели здесь.

Так вот, у них дома, в баре и ящике под ним, разместились все Средиземноморье, Чили, Аргентина и Южная Африка. Кроме этого, дом был полон трогательных мелочей: саше из цветов с ненавязчивым ароматом, рассыпанные по прозрачным вазам, изящные композиции из сухоцвета в каждой комнате, картины. Нежный ангел с зелеными крыльями, по имени Мизерерус, сидел на подоконнике, свесив ноги. Ангел умел петь — по крайней мере, так утверждала Анна, а Анна, конечно, не могла ошибаться, ведь это она сама сшила его лет пять назад. Ангел сидел в углу на огромном старом подоконнике, облокотившись плечом о такую неуместную здесь пластиковую раму.

За окном ничего не было — вернее, казалось, что там просто дворовый колодец. На самом же деле, стекла, вставленные в оконные проемы этой квартиры, обладали способностью показывать не то, что кажется — а то, что было на самом деле. Чаще всего за окнами виделось озеро, или другой маленький водоем, зимой — затянутый ряской льда, осенью — вымощенный кленовым янтарем, летом — окутанный серебряным дымом. Иногда Игорь и Анна видели за окнами лес, они очень любили смотреть на лес в июле, когда сосны источали смолистую горечь.

В доме молчали и стены, и тонкие трехслойные занавески, и глухие шоколадные портьеры в спальне. Даже маятник, перемешива-

ющий густое, как мед, время, качаясь, не издавал звуков, однако, часы с корпусом из темного дерева, стоящие в гостиной, никогда не отставали и не останавливались. Игорь иногда задумывался об их устройстве, но никогда не решался подойти к ним и разобрать: казалось, часы улавливали даже само возникновение таких мыслей, и в ответ на них дерево становилось холодным и твердым, как каменная плита.

Когда в доме было тихо, в его пространстве становилось особенно хорошо. Может, потому, что комнаты были устроены специально для тишины. Не исключено, что раньше, до Игоря и Анны, здесь жили очень счастливые и мудрые люди. Анна сразу поняла, что в доме нельзя ни суетиться, ни кричать, ни спешить. В спешке и беготне что-то происходило со светом и тенями, с запахами и рисунком стен. Казалось, даже потолок реагировал на вибрации покоя, его балки словно смещались, он как будто наклонялся и кубистически менял форму. Поэтому Анна ходила по комнатам медленно, не спеша, тихо разговаривала с Мизерерусом, а, когда все было сделано — сидела на диване, и, завернувшись в плед, читала или смотрела в окно.

Если бы у Игоря и Анны были дети, еще неизвестно, как принял бы их этот дом. Скорее всего, его очарование было бы разрушено, его дыхание сбилось бы, в ритме его сердца появились бы перебои. Наступило бы смутное время смены царств.

Нет, дом не ждал новых людей. Он сначала с небрежным благоволением, а после — с хозяйской расчетливой сметливостью принял своих новых жильцов, доставшись им с оказией, на пять лет. Снятый по старой цене, с большой предоплатой вперед, дом вполне мог считаться собственностью Анны и Игоря — хотя, по сути, сам по себе он отрицал всякую возможность принадлежности к чему-либо. Он был вне времени и сферы влияния; у него даже не было лица, но был — лик. И лик этот мог изменять все попадавшее в пространство его взгляда.

Нельзя было жить в этом доме и одновременно биться насмерть за какую-нибудь шмотку в магазине распродаж, или торопить приятелей с возвращением старых долгов, или говорить о людях плохо. Нельзя было жаловаться или даже сетовать на что-то в мыслях. Дом все это отторгал пылью, холодом и тьмой.

Дом не принимал прошлое и воспоминания о нем. Это как-то незаметно, само собой, дошло до Анны и Игоря — до каждого

по-своему, и они никогда и ни о чем не вспоминали. Обоим было далеко за сорок, и первое время воспоминания, у каждого свои — одолевали обоих. Но, неясным образом, каждый раз эти воспоминания по ночам превращались в острые предметы — ножи, бритвы, иголки — или в куски неизвестно откуда взявшейся желто-коричневой пастообразной пыли. Однажды, после вечера, посвященного воспоминаниям, опасная бритва обнаружилась утром на подушке возле самых сомкнутых век Игоря, угрожая пропороть насквозь глазное яблоко. Анна быстро убрала страшную вещь, но они оба хорошо запомнили этот случай, и, ни слова друг другу не сказав, перестали вспоминать что-либо давностью более года.

К ним иногда приходили дети — дочь Анны, студентка второго курса Академии искусств, и два сына Игоря, оба уже женатые, а один из них аж во второй раз. Эти два молодых мужчины и юная женщина были для жильцов дома просто приятелями, когда-то, возможно, близкими, а теперь — чужеватыми и неожиданными людьми, они приносили с собой разнообразие, схожее с новизной экзотической кухни, которую можно попробовать раз в месяц, но невозможно есть каждый день.

Однажды, в первый год их жизни в доме, Анна подошла вечером к Игорю и почти произнесла слова, беспомощные и жалкие, ненужные, они уже жили в ее выдохе и взгляде. Но не посмела, потому что стены вдруг начали терять свой золотистый свет и по полу потянуло сквозняком. Игорь тоже заметил перемену, и, чтобы не обидеть Анну, сказал ей что-то, кажется, о погоде. И они замолчали. Дом не принимал ничего такого, что не было бы важно здесь и сейчас. На следующий день Анна убирала налетевшую в комнаты невесть откуда вязкую землистую пыль, и проклинала себя за недогадливость. С тех пор никто из них не смел даже мысленно тревожить капризное и мудрое жилище. Когда же дом был спокоен, он давал своим жильцам понять, что воздух его — драгоценен и они сами — бессмертны, потому что нет ничего счастливей и истинней, чем то мгновение, что прожито сию секунду.

Дом изменил их — они почти не покидали этих стен, выходя, разве что, за покупками. Игорь выучился курить вишневым табаком и начал переводить с итальянского — уже не по работе, а просто для себя. Переводы глуповатых полулитературных текстов и научных технических публикаций ему давались в равной степени легко.

Но совсем иначе дело обстояло с настоящей классикой, которую раньше Игорь не понимал, потому что не мог на ней заработать. А теперь он часами просиживал в кабинете, и то так, то эдак вертел итальянскую строчку, а дом тихо дышал ему в спину теплом.

Анна научилась шить. Она раньше работала мастером по сложным женским прическам, а сейчас сидела дома и шила игрушки — маленьких ангелов, братьев Мизереруса, и еще смешных длинноухих зайцев, голубей и котов. Игрушки расходились по небольшим лавочкам и пользовались спросом: видимо, дом наделял своих тряпичных новорожденных детей настоящими игрушечными душами.

Когда вечерами на маленькой кухне открывали сухое вино, оно наполняло бокалы и заливало глубоким темным огнем комнаты, окна, двух людей за столом. Вино светилось в них, перемещало их взгляды и мысли, дразнило слух гудением дудочек откуда-то из-под потолка, будило цветы, которые прятались в самых неожиданных местах дома и могли высунуть свои насмешливые красные бутоны из любой щели, а потом раскрывались, внезапно и бесстыже, и превращались в прикосновения руки к плечу, в дыхание, шепот, жар, смех. Становились сном, беспамятством, бессмыслицей, всхлипом и снова сном, без единого человеческого слова. А Мизерерус смотрел на происходящее со своего подоконника и пел.

Стоял сочельник, их тысяча восемьсот девяносто третий день был на исходе, когда в дверь позвонили. Анна и Игорь переглянулись, потом Анна скинула с плеч плед, положила на столик недошитую бархатную птицу, встала и подошла к двери. В пространстве лестничной клетки стояли двое.

— Здравствуйте, — сказала девушка, стряхивая снег с воротника узкого и старомодного пальто. — Мы от хозяйки.

Парень, стоящий рядом с ней, виновато улыбнулся.

Молодые люди сели в кресла, и Анна принесла чай с миндальным печеньем. Игорь, казалось, не оторвался от книги, только слегка улыбнулся вошедшим и кивнул им, едва взглянув на них поверх очков, а потом снова углубился в чтение. Девушка из-за своих остроконечных ушек, торчащих под светлыми волосами, походила на эльфа. Молодой человек все так же улыбался и с восторгом осматривал гостиную. По стенам комнаты тек волнами свет, такой же, как и обычно, золотистый с коричневыми нотками. Пахло корицей. За окном шумели деревья. Девушка снова хотела

было что-то сказать, но Анна уже кивнула ей понимающе. Игорь перевернул страницу.

— До послезавтра, — сказала Анна, провозжая гостей.

— С наступающим вас, — улыбнулась девушка, — Мне очень понравился ваш зеленый ангел.

— Я оставлю его вам, — сказала Анна. — Берегите дом.

Когда они ушли, Анна села дошивать бархатную птицу. Игорь снова перевернул страницу. Когда птица была дошита, Анна спросила: «Чаю?» — и Игорь кивнул.

Вещей у каждого из них оказалось мало. Набралось всего два больших кожаных чемодана: один его, другой ее. Дом не любил суеты.

Утром, на следующий день после Рождества, когда все вещи были собраны, Анна сказала Игорю: «Иди первым, дорогой. Я сама передам ключи». Он произнес что-то неуместное и лишнее, может быть: «Я позвоню?» И Анна ответила «Да». Но, возможно, сразу же забыла об этом.

И дом стоял, являя за окном каменный коридор, в глубине которого раскачивался тонкий человеческий силуэт, почти как маятник. И воздух комнат был наполнен лимонной цедрой, гвоздикой и хвоей. Анна сидела на краешке своего чемодана, стоящего у порога, и прислушивалась — сначала к удаляющимся, потом к приближающимся звукам шагов, а дом обнимал ее последним теплом, и невозмутимый зеленый ангел смотрел на нее с пустого подоконника, помогая не ощущать ни времени, ни грусти, ни зова воспоминаний. Легкий холод пробежал по полу, сметая следы запаха вишневого табака, но свет стен оставался тем же — теплым и мерцающим, и это было именно то, что нужно, чтобы прожить несколько самых прекрасных мгновений, таких, о которых человек может, тоскуя, только случайно помыслить, и тут же забыть о них, повинувшись внезапному зову, ныряя и погружаясь в него целиком, переступая порог и навсегда падая в глубокий колодец, начинающийся там, за дверью.

